

пшован, стодоран, мораван, болгар... и притом так, что решительно не подходит к XII—XIV вв.»⁵⁵ Но и это рассуждение Пекаржа носит, как обычно, оборонительный характер, служит защите сочинения Кристиана как подлинного памятника X в. От апологии, однако, необходимо перейти к суждению об общей значимости сообщений и высказываний Кристиана.

Три момента заслуживают специального внимания. Славянские тенденции Кристиана не поверхностны, в основе их лежат глубокие знания. Он сообщает о славянской культуре в Великой Моравии и в Болгарии эпохи царя Симеона не понаслышке, а опираясь на знакомство с литературными моравскими и болгарскими памятниками. Пекарж ставил Кристиана вне старославянской литературы; говоря о Кирилло-Мефодиевской легенде, он оперировал понятием «общеславянской традиции», исследуя Вацлавскую легенду — понятием фольклорной традиции чешской. В действительности же Кристиан прямо использовал первое старославянское житие св. Вацлава, непосредственно черпал из Жития Константина и Жития Мефодия, а также, по всей видимости, знал Житие Наума — памятник болгарского происхождения. Старославянская письменность безусловно не была чуждой для Кристиана: он жил и творил в двуязычной среде. При его широком знании старославянских источников не исключено, что и сам он писал или по крайней мере умел писать и на старославянском языке. Это придает большую внутреннюю ценность его сообщениям.

Кроме того, у Кристиана ясно ощущается наличие контакта с болгарским очагом старославянской культуры X в.: он говорит о крещении болгар до прихода Константина в Моравию, недвусмысленно заявляет о распространности славянского богослужения в современной ему Болгарии («usque hodie»). Силой, которая поддерживала славянскую идею, была взаимосвязь отдельных центров славянской культуры. Кристиан на деле связывает воедино воспоминания о великоморавском прошлом с пониманием современной ему болгарской и чешской действительности.

В-третьих, славянская идея Кристиана — это не переживания прошлого, но дело практической и активной пропаганды. Славянский богослужебный язык — не мертвая реминисценция; это — оружие миссионеров в славянских землях: «Благодаря этому многие души приобретаются для господина Христа».⁵⁶ Эта фраза могла быть — и безусловно была — лозунгом миссионерской экспансии епископа Войтеха на славянский восток. Только с помощью языка, которому Кирилл и Мефодий придали высокую функцию языка богослужебного и письменного, можно было проникнуть в Польшу и другие славянские страны. Новейшие исследователи нашли многочисленные следы старославянского языка в польской, а также венгерской церковной терминологии. Они несомненно восходят к эпохе Войтеха и его учеников. Один из этих учеников — Радим-Гауденций — был первым архиепископом Гнезненским, другой — Радла-Анастасий — первым архиепископом Остржигомским. Я уже упоминал о древнейших духовных песнопениях: чешском «Hospodine pomiluj nu» и польском «Bogurodzica». К ним тоже могут быть отнесены слова «благодаря этому многие души приобретаются для господина Христа».

Основная ошибка многих сторонников подлинности труда Кристиана состояла в том, что они считали его последним отзвуком старых традиций. На деле же Кристиан знаменует подъем новой славянской волны, нового славянского возрождения. Он, конечно, занимает особую позицию — на рубеже славянской и латинской культуры. Труд Кристиана написан по-

⁵⁵ Český časopis Historický, roč. 9. Praha, 1903, стр. 151—152.

⁵⁶ multaque ex hoc anime Christo domino acquiruntur.